

ПОИСКИ, РАЗДУМЬЯ, РАБОТА

Прошло немногим больше года с тех пор, как мы встречались в редакции «Иностранной литературы» с Аланом Силлитоу. На этот раз Алан Силлитоу приехал к нам вместе с женой поэтессой Рут Файнлайт.

— Минувший год,— рассказывает английский писатель,— принес немало неожиданностей. Мой друг режиссер Энтони Ричардсон спросил однажды, не привлечет ли меня работа над сценарием о Че Геваре. И разрушил все мои планы. Вообще я предпочитаю писать романы, но тема была слишком заманчивой! Писать о Че Геваре оказалось нелегким делом — не так уж много известно о нем. Я прочел его «Опыт партизанской войны», «Боливийский дневник», я читал по-испански и по-английски, ознакомился с книгой воспоминаний о кубинской революции. Мы долго решали с режиссером, какой период жизни Че Гевары выбрать для фильма, и остановились на последних десяти годах — именно эти годы восстанавливаются по сохранившимся материалам наиболее полно.

— У Че Гевары много поклонников не только в Латинской Америке, но и в Европе, особенно среди молодежи. Меня же,— продолжает наш гость,— в большей степени интересует Че Гевара-человек, а не миф. Я полагаю, что всякую выдающуюся личность прежде всего надо понять именно как человека — не вознося сразу на пьедестал,— понять его идеи, убеждения, поступки как сущность его характера.

Меня очень интересовало, почему Че Геваре не удалось поднять революцию в Боливии. Он считал, что профессиональные революционеры изменяют обстановку

в стране, а массы должны впоследствии принять их идеи. Но эти надежды его не оправдались. Меня привлекла трагическая в своих противоречиях фигура этого мужественного человека. Че Гевара жил, повинувшись своим убеждениям. Уезжая в Боливию, чтоб принять участие в партизанской борьбе, он оставил на Кубе жену и детей. В то время он был серьезно болен, его мучили астма и ревматизм, а в джунглях от укусов насекомых распухло все тело. Но ничто не могло его остановить. Надеюсь, что в фильме отразятся все эти, столь драматичные, стороны его жизни.

Разумеется, и то, что режиссер выбрал Алана Силлитоу как сценариста для своего будущего фильма, и то, что Алан Силлитоу взялся за эту тему, не столь уж неожиданно. Последние книги А. Силлитоу «Смерть Уильяма Постерса» и «Дерево в огне» по теме близки его сценарию. Герой этих книг, Фрэнк Доули, английский рабочий, осознав, что человек — лишь безликая деталь современной общественной машины, бросает завод, оставляет семью и отправляется странствовать. Затем он покидает родину, в Тунисе принимает предложение случайного знакомого американца Шелли провезти через границу оружие для сражающихся алжирцев (действие происходит во время борьбы Алжира за независимость) и несмотря на то, что женщина, которую он полюбил, ждет ребенка, присоединяется к сражающимся. «Он питал отвращение к идее неотвратимости судьбы, хотя порой считал это слово полезным... Почему он в Алжире? Была

ли это судьба, которую он осмыслил и принял, прежде чем сделать обдуманый шаг? Что было вначале: желание помочь Алжиру или желание найти себя?»

Несколько замедленные по темпу главы, повествующие о месяцах, проведенных Фрэнком Доули в пустыне, в алжирском отряде, вероятно, лучшие в книге. Это долгие дни опасности, лишений, страданий и раздумий, проникнутые желанием понять себя, понять мир, найти точку опоры. «Фрэнк не идеалист,— говорит о нем его друг художник Алберт Хэндли,— он — рабочий, который осознал бессмысленность своей жизни и отдает свои силы, чтобы помочь подняться и избавиться от страданий другим. Он — на стороне справедливости и лишь в революции видит, как и большинство из нас, способ решения важнейших духовных проблем». Когда Фрэнк принимает решение вернуться в Англию, он понимает, что отныне его жизнь связана с борьбой за свободу: «Я могу уехать отсюда на некоторое время и повидать Майру и опять, если я этого захочу, вернуться сюда или принять участие в другой войне, подобной этой. Их будет полно на моем веку».

— Идея сценария застала меня врасплох, и я вынужден был оторваться от начатого романа,— продолжает Алан Силлитоу.— Это — последняя часть трилогии о Фрэнке Доули. Впрочем, сейчас еще рано говорить о нем. Есть писатели, которые заранее составляют проспекты и конспекты. Для меня же процесс писания есть и процесс мышления. Например,

когда я писал «Смерть Уильяма Постера» и дошел до середины романа, я еще понятия не имел, что в романе появится художник. Он возник внезапно. Когда Фрэнк Доули, поссорившись с возлюбленной, вышел из дома и направился в бар, он увидел у стойки незнакомого человека — это и был художник. Я ввел его в роман неожиданно для себя. А во второй части трилогии, в романе «Дерево в огне» он оказался одной из главных персон. Сейчас написано около семидесяти страниц нового романа, он — если сравнить его с самолетом — еще набирает скорость, только-только оторвался от земли. Безусловно, работа над сценарием отразится и на романе, есть внутренняя связь между последней частью моей трилогии и сценарием, между той фигурой, которая стоит в центре будущего фильма, и героем книги, так как меня интересует мир современного революционера, человека XX века во всей его сложности. Думаю, что раскрыть эту тему достаточно полно можно, только если она охватит так или иначе всех персонажей книги.

Меня могут спросить: не «староват» ли Фрэнк Доули, чтобы быть героем романа Англии сегодняшнего дня? Но у художника есть трое сыновей, и они в последней части трилогии, очевидно, выйдут на первый план. Молодежное движение в Англии, на мой взгляд, — хороший симптом. Волна демонстраций и выступлений, прокатившаяся по стране, говорит о том, что молодежь ищет какую-то цель, ее интересуют политические и социальные проблемы; то, что раньше зрело подспудно, теперь выплеснулось на поверхность. Чтобы добиться успеха, молодежное студенческое движение в Англии должно развиваться в тесной связи с рабочим движением.

Английская пресса писала, например, что в одной демонстрации против войны во Вьетнаме участвовало 25 тысяч человек. На самом деле эта цифра была намного занижена, в ней участвовало около 70 тысяч человек, я слышал это от людей, которые имели верные сведения. Мы с женой тоже участвовали в этой демонстрации и можем подтвердить, что большинство участников были молоды. Сейчас в Англии мы получаем право голосовать в 21 год, хотя поговаривают, будто собираются установить новый возрастной ценз — 18 лет. Небольшая поправка к английской конституции — обычный прием, средство притушить огонь и успокоить молодежь. Но кто знает, это могло бы вызвать и более важные последствия. Повторяю, для успеха движения необходимы контакты, единство действий студентов и рабочих.

Я еще не нашел решения многих вопросов,— говорит А. Силлитоу,— связанных с молодым поколением. Может быть, поэтому я и взялся за новый роман. Когда я пишу, кое-что проясняется само собой.

В ответ на просьбу рассказать читате-

лям «Иностранной литературы» о том, какие книги, какие имена, какие события литературной жизни Англии привлекают более всего к себе внимание, Рут Файнлайт — третья книга ее стихов только что вышла в свет — естественно прежде всего обратилась к английской поэзии.

— Сейчас, — рассказала она, — в Англии появляется много поэтических сборников, проходит много поэтических вечеров. Конечно, эти вечера трудно сравнивать с вашими вечерами поэзии. Три года назад, когда я была в Ленинграде, там как раз проходили дни поэзии, и на двух вечерах мне удалось побывать. Я была потрясена тем, сколь широкой и разнообразной оказалась аудитория. В Англии поэтические чтения посещает более определенная категория людей, у нас более узкий круг читателей, главным образом молодежь. Считают, что и написано лучшее в современной поэзии Англии молодыми поэтами — они много экспериментируют, ищут.

Среди имен поэтов, уже завоевавших читателя, назову Кристофера Лога, а также Теда Хьюза (я позволю себе определить его как «примитивиста» в том смысле, что он обращается к изначальным моментам в человеческих чувствах и в самой природе. Мне кажется, что поэт такого склада говорит иногда больше, чем тот, кто громко декларирует свои взгляды. Во всяком случае, можно утверждать, что сейчас в английской поэзии движение заметнее, чем в прозе.

— Современная английская проза, — вновь вступает в беседу Алан Силлитоу, — современный английский роман — как ни печален этот факт! — не затрагивают острых социальных и политических проблем. У меня такое ощущение, что английская литература всегда была сугубо индивидуальным делом писателя.

— Хотя в Англии выходит много романов, — развивает его мысль Рут Файнлайт, — большинство не вызывает желания дочитать книгу до конца. Чаще всего сюжет крутится вокруг бытовых тем: скажем, молодая женщина мечтает пойти работать, но ей не на кого оставить дом, детей — отсюда вся драма. Проблем как будто поднимается много, но все это сугубо локальные проблемы.

Пожалуй, более других привлекают читателей книги Айрис Мэрдок, ее склонность к драматизации моральных проблем, даже сам болезненный надрыв, который свойствен ее героям. Что же касается писательского мастерства — тут А. Мэрдок одна из сильнейших в Англии. Много пишут также о «Маленьком городке в Германии» Джона Ле Карре, причем его имя называют среди лучших английских прозаиков.

Все же большего, чем проза, внимания

заслуживает сейчас английская драматургия. Особенно то ее направление, которое развивается под влиянием американского авангардистского театра, в частности, группы «Ламاما», исповедующей идею о театре, как о замкнутом круге людей, которые вместе живут и вместе работают. Известное влияние оказывают на английский театр и хэппенинги.

И в Англии есть коллективы, которые путешествуют из города в город, порою пытаюсь возродить искусство пантомимы и традиции средневековых мираклей. Они противопоставляют свой образ жизни, свою манеру работать той жизни, законам того общества, которые разобщают людей. Часто они живут коммунально, сами пишут пьесы или играют, по сути дела не имея текста, импровизируя на ходу. Хотя явление это еще не очень распространено, оно несомненно будет иметь влияние и на театр традиционный.

Как раз на традиционной сцене движение менее заметно. Сейчас в Лондоне идут, в частности, две последние пьесы Осборна — «Амстердамский отель» и «Настоящее время». К сожалению, по ним никак нельзя судить о дальнейшем пути драматурга. Сам Осборн из бывшего «сердитого» превратился в признанного «мэтра», и вообще английская драма типа той, что создавали «рассерженные», уже растеряла весь свой гнев. Нашим лучшим драматургом многие считают — и я к ним присоединяюсь — Мерсера. Привлекают и пьесы недавно погибшего Джона Оттена. Это направление довольно-таки «черного» юмора. Но и жизнь его была такой же, как и его пьесы. Вероятно, не пройдет незамеченной и новая вещь Уэскера. Автор обратился к проблеме, действительно существующей у нас: в пьесе речь идет о группе рабочих, которые добиваются успеха на ниве образования и в сфере искусства, но оказываются в состоянии душевного смятения, не зная, что делать, куда идти дальше. Я слышала только фрагмент из этой пьесы в исполнении автора, но и он произвел сильное впечатление.

Остается добавить, что и мы с Аланом отдали дань увлечению театром — перевели с испанского и переработали пьесу «Фуенте Овехуна», которая пойдет на сцене под названием «Все граждане — солдаты». Но главными для меня, — заканчивает Рут Файнлайт, — остаются стихи. Надеюсь, что, возвратясь в Англию, я найду рецензии на мою новую книгу.

— А для меня главное — новый роман о Фрэнке Доули. Он завершает трилогию, и в нем, — смеясь, признается А. Силлитоу, — мне надо сказать очень много, чтобы спасти свою репутацию!

Е. ПОМЕРАНЦЕВА

